

В. Т. Захарова
(г. Нижний Новгород)

ИМПРЕССИОНИЗМ В ПОЭТИКЕ «ЛЕТО ГОСПОДНЕ» ИВ. ШМЕЛЕВА

Художественный мир Ив. Шмелева отличается удивительным богатством. Это уникальное эстетическое целое при всем многообразии его составляющих. Феномен неповторимости шмелевской прозы обусловлен органическим взаимопроникновением различных начал в творческом сознании художника. Подобные качества проза писателя приобрела еще в эпоху Серебряного века, когда русский реализм активно обновлялся. Уже тогда в произведениях Ив. Шмелева обозначилось удивительное сопряжение импрессионистического художественного мышления с символично-экспрессивным притчево-сказовым началом^{*1}. В эмигрантском творчестве писателя импрессионистическое мироощущение, на наш взгляд, оказалось одной из философско-эстетических доминант, благодаря которым достигались яркость видения и огромная эмоциональная сила светлого духоподъемного начала, отмечаемые всеми, кто изучал Шмелева.

В поздних автобиографических книгах Ив. Шмелева — «Богомолье» и «Лете Господнем», — вершинных творениях Мастера, импрессионизм проявился необычайно многогранно на разных уровнях повествования. О «Богомолье» в этом плане наша речь уже велась^{*2}.

Уникальность шмелевских автобиографических повествований — в самом объекте этой прозы: воспроизведение православного строя души России, показанной «силою *ясновидящей любви*» (И. Ильин)^{*3} (Здесь и далее в цитатах курсив автора). «...Он показывает нам Православную Русь — *из сердечной глубины верующего ребенка*»^{*4}. И. Ильиным отмечена и родовая черта художественности этих книг Шмелева — их апелляция прежде всего к эмоциональной сфере в диалоге писателя с миром: «... что это за сила художественного воображения, на которую читатель не может не отозваться всем своим существом? Это и есть воображение — насыщенное трепетом сердца. Здесь каждый миг взят любовно, нежным, упоенным и упоительным проникновением...»^{*4}.

Именно эти качества шмелевской прозы свидетельствуют о глубоком дальнейшем развитии у писателя импрессионистического мировосприятия, для которого так свойственно лирико-эмоциональное преобразование запечатленных в душе героя мгновений бытия.

В поэтике «Лета Господня» импрессионистическое начало повествования видится, прежде всего, в необычном ракурсе изображаемого, сквозь которое воспринимает мир маленький герой Шмелева.

Первые две части произведения — «Праздники» и «Праздники — радости» во многом воспринимаются как продолжение «Богомолья»: этот же мир счастливого детства, данный сквозь непрерывную череду православной обрядовости, воплотившей для мальчика непрерывный процесс жизненного круговорота, сочетавший в себе внешнюю красочность и глубокую духовную сущность. Недаром на первой же странице книги мальчик вспоминает слова Горкина накануне «Великого Поста»: «Душу готовить надо»^{*5}.

Здесь та же озаренность воспоминаний, что и в «Богомолье», и та же цветовая — золотисто-розовая — гамма, сквозь которую воспринимает мир маленький герой Шмелева. На этот любовно-преображающий вспоминаемое аспект художник снова указывает вполне откровенно, подавая изображение в импрессионистическом ключе, порой с экспрессивным нажимом.

Вот мальчик вспоминает светлое пасхальное воскресенье: «Я смотрю через золотистое хрустальное яичко. Горкин мне подарил, в заутреню. Все золотое, все: и люди, золотые, и серые сараи золотые, и сад, и крыши, и видная хорошо скворешня, — что принесет на счастье? — и небо золотое, и вся земля. И звон немолчный, кажется золотым мне тоже, как все вокруг» (с. 230–231)^{*6}. А вот — воспоминание о «милых Святках»: «Я засыпаю в натопленной жарко детской. Приходят сны, легкие, розовые сны. Розовые, как верно. Обрывки их еще витают в моей душе. И милый Горкин, и царь Соломон — сливаются. Золотая корона, в блеске, и розовая рубаха Горкина, и старческие розовые щеки, и розовенький платок на шее. Вместе они идут куда-то, словно летят по воздуху. Легкие сны, из розового детства...» (с. 285)^{*6}.

Эффект особой настроенческой ауры — заметная черта импрессионистического мышления художника. Первые две части «Лета Господня» заряжены радостным, приподнятым настроением, которое обеспечивается пересечением двух измерений повествования: ценности, святости для автора ушедшей в прошлое жизни и значимости этой жизни, этих «праздников-радостей» для всякого русского человека, хорошо определенных стариком Горкиным: «Православная наша вера, русская... она самая хорошая, веселая! И слабого облегчает, уныние просветляет, и малым радость» (с. 409)^{*6}.

Шмелев-художник неутомим в описании самомалейших бытовых подробностей подготовки к праздникам и самих православных праздников, каждый из которых отличался и своим неповторимым внешним колоритом, и духовным естеством. В целом эти рассказы с щедрым ворохом детальных перечислений, упоминаний, подробных описаний, воспринимаются в русле традиционного реалистического письма, талантливо и самобытно. Однако, именно импрессионистическое начало придает повествованию чувственную теплоту и эффект непосредственности. А «секрет» его заключается все в той же уже не раз обнаруживаемой в книгах этого писателя способности воспринимать мир в богатстве именно чувственных представлений, причем, зачастую в неповторимо-субъективном ракурсе, «подсказываемом» его яркой художественной натурой. Примеров в тексте множество.

«Рождество...

Чудится в этом слове крепкий, морозный воздух, льдистая чистота и свежесть. Самое слово это видится мне голубоватым<...> Даже в церковной песне —

Христос рождается — славите!

Христос с небес — срящите! —

Слышится хруст морозный...

Плавает гул церковный, и в этом морозном гуле шаром всплывает солнце. Пламенное оно, густое, больше обыкновенного: солнце на Рождество. Всплывает огнем за садом. Вот побежало по Верхушкам; иней зарозовел... брызнуло розоватой пылью, березы позлатились, и огненно-золотые пятна пали на белый снег. Вот оно, утро Праздника, — Рождество.

В детстве таким явилось — и осталось» (с. 264–265) *⁶.

Вот это главное здесь: явление праздника детской душе, когда все вокруг воспринимается обостренно чувственно, когда рождается особенный, сотканный из эмоционально-личностных переживаний мир, вбирающий в себя и внешнее: зрительные, слуховые, обонятельные впечатления и их удивительную психологическую трансформацию.

«Масленица... Я и теперь еще чувствую это слово, как чувствовал его в детстве: яркие пятна, звоны — вызывает оно во мне...; ухабистую снежную дорогу, уже замаслившуюся на солнце, с ныряющими по ней веселыми санями... в колокольцах и бубенцах... Или с детства осталось во мне чудесное, не похожее ни на что другое, в ярких цветах и позолоте, что весело называлось — «масленица»? (с. 295)*⁶.

Сила впечатлительности маленького героя Шмелева такова, что в моменты особенно обостренного восприятия окружающего все вокруг воспринимается им антропоморфически, в импрессионистических «наплывах».

Вот его восприятие Крестного хода: «...Колышутся и блестят, **ЖИВЫЕ** ...праздники и святые лики, кресты, иконы, ризы... плывут на меня по воздуху — свет и звон. И вот — старенькое лицо, розовая за ним лампадка... за ситцевой занавеской еще не погасший день...» (с. 336–337)*⁶ (Выделено автором).

«Какое утро! — восхищается мальчик в утро Радуницы. — Окна открыты в тополь, и в нем золотисто зелено. Тополь густой теперь, чуть пропускает солнце, на полу пятна — зайчики, а в тополе такой свет, сквозисто-зеленоватый, живой, — будто бы райский свет» (с. 453)*⁶.

Это присущее Шмелеву импрессионистическое ощущение «живой жизни» православных праздников порой передается в тончайших переживаниях оттенков, в попытке схватить, запечатлеть неуловимое, ускользающее. О вербном воскресенье говорится: «Ах, какой радостный — горьковатый запах, чудесный, вербный! И в этом запахе что-то такое светлое, такое... такое... — было сегодня утром, у нашей лужи, розовоживое в вербе, в румяном голубоватом небе... — вдруг осветило и погасло... Неуловимо это, как тонкий сон» (с. 436)*⁶.

Импрессионистическая чуткость к мгновению и одновременно пронизанность мироощущения художника христианской верой обусловила особую значимость «сиюминутного» материала, его соотнесенность с добром, красотой, святостью.

Не случайно, к примеру, засыпающему мальчику живым виделся слитный образ крестного хода: на впечатление от незабываемого зрелища наложились и услышанные от блаженного Кланюшки слова: «Господня сила, в ликах священных явленная... заступники наши все, молитвенники небесные!... Думаешь, что... земное это? Это уж самое **НЕБО** движется, землю грешной... прославленные все...» (с. 335)*⁶. (Выделено автором). А за этим последовало характерное признание повествователя: «Не помню, снились ли ангелы. Но до сего дня живо во мне нетленное: и колыханье, и блеск, и звон — Праздники и Святые, в воздухе надо мной, — **НЕБО**, коснувшееся меня» (с. 337)*⁶. (Выделено автором).

И. Ильин об этой особенности психологизма Шмелева сказал так: «Она /душа мальчика/ ловит земные лучи и видит в них / **НЕЗЕМНЫЕ**, любовно чует малейшие колебания и настроения у других людей... и

неустанно вопрошает все вещественное о скрытом в нем таинственном высшем смысле»^{*7}. (Выделено автором).

Когда Шмелев касается этого трепетного и необъяснимого психологического состояния героя, самая художественная ткань его прозы как бы истончается, кажется ускользающе-непроявленной, рвущейся. Таково, к примеру, описание душевного состояния мальчика в крещенский вечер, после чтения жития святого Пантелеймона и слез Горкина о нем: «Я молчу. Смутно во мне мерцает, что где-то, где-то... кроме всего, что здесь, — нашего двора, отца Горкина, мастерской и всего-всего, что видят мои глаза, есть еще невидимое, которое где-то, ТАМ... Но это мелькнуло и пропало...

И вдруг, видя в себе, как будет, кричу к картинке:

— Не надо, не надо мне!» (с. 295)^{*6}. (Выделено автором).

В третьей части «Лета Господня», названной «Скорби», импрессионистическое начало заметно приглушено, — что вполне объяснимо содержанием ее. Тяжелые переживания, «скорби», приглушили для мальчика яркие краски жизни, ее праздников: «В Троицын день ходили с цветами в церковь, но не было радости и от березок» (с. 495)^{*6}. Способность воспринимать мир прежде всего чувственно не покинула его. Но теперь это — иной строй чувствований: все воспринимается через горе от болезни, а затем и смерти отца. К финалу многоцветье мира заменяется и закрывается для мальчика траурным мраком черного цвета: «Вижу прикапанную на подзеркальнике восковую свечку... — светится она в зеркале, и в зеркале вижу, как проходит темная Анна Ивановна» (с. 538)^{*6}. И далее: «Я крещусь, шепчу... Кони в черных покровах, едва ступают, черный народ теснится, совсем можжевельника не видно, ни камушка, — черное, черное одно... и уже ничего не видно от проливного дождя...» (с. 546)^{*6}.

И все же трагическая тональность финала высветляется в заключительных строках последним сильным впечатлением маленького героя:

«Слышу:

...Свя-ты-ый... Бес-сме-э-эртный...

По-ми-и-луй... На-а-ас» (с. 546)^{*6}.

Высветляется православной молитвой, в которой всегда — надежда и вера.

Итак, выявление импрессионистических черт мировидения в творчестве Ив. Шмелева, на наш взгляд, способствует уточненному пониманию сущности его художественных исканий, незаурядного значения его прекрасной прозы. Светлое импрессионистическое мировосприятие

писателя мажорно гармонизировало осознание им драматичности жизни, способствовало воссозданию живого и благодатного мира духовного бытия России, дающего человеку целительную силу.

Примечания

*¹ См. об этом: Захарова В. Импрессионистические тенденции в русской прозе начала XX века. М., 1993; Захарова В. Дооктябрьская проза И. Шмелева и проблема импрессионизма // Русская литература XX века в контексте мировой культуры. VI Крымские Международные Шмелевские чтения. Алушта, 1997. С. 12–18.

*² См.: Захарова В. Импрессионистическое начало в автобиографической прозе И. Шмелева («Богомолье») // Синтез культурных традиций в художественном произведении. Межвуз. сб. науч. тр. Нижний Новгород, 1996. С. 124–130.

*³ Ильин И. Православная Русь // Ильин И. Одинокий художник. М., 1993. С. 120–121.

*⁴ Там же. С. 120.

*⁵ Там же.

*⁶ Шмелев И. Лето Господне // Шмелев И. Соч.: В 2-х т. Т. 2. М., 1989. С. 177. Далее ссылки на это издание даются в тексте лишь с указанием страницы.

*⁷ Ильин И. Указ. соч. С.

V. Zakharova
g. Nyzny Novgorod

Impressionism in poetic «Summer of God» of I. Shmelev

In this article the novel of I. Shmelev «Summer of God» is analysed in the aspect of impressionism in poetics. Impressionism, as a type of the artistic consciousness, revealed itself in the prose of the writer, beginning from his creations of the epoch of «silver age» of Russian literature. During emigrant period impressionism in poetic of Shmelev's works got further development. In the novel «Summer of God» it is well seen on different levels of narration: it appeals to emotional, sensitive sphere in the dialogue of writer with the world, in subjective-personal perception of impressions, in reproducing the most fine nuances of psychology of a hero and so on.